

МЫШКА МОНА

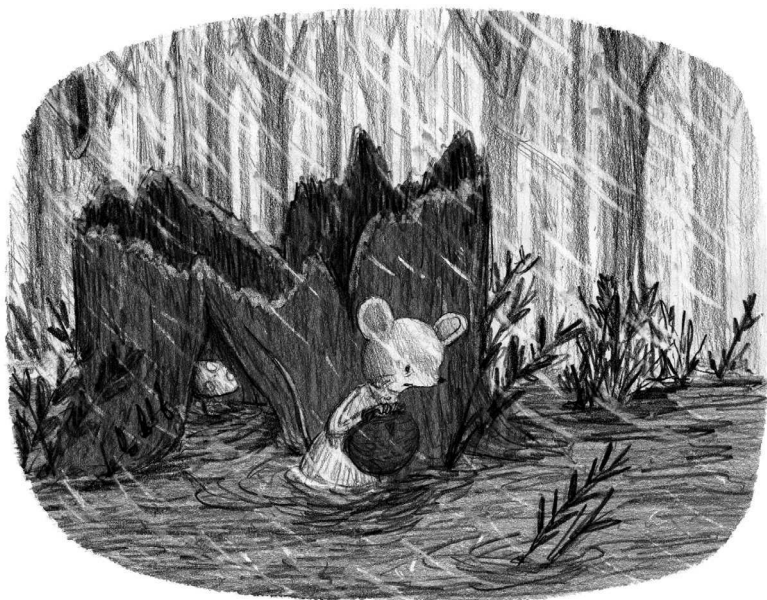
Дом — там, где сердце, — так она слышала. Но у мышки Моны дома никогда не было, по крайней мере нигде она не задерживалась надолго. Пыльный тюк сена, заброшенное птичье гнездо, колючий подлесок — мест, где Моне доводилось обосноваться за короткую жизнь, было больше, чем усиков у неё на мордочке. А теперь, в разгар грозы, её последний дом — старый прогнивший изнутри пень — затапливало.

Когда летом она нашла этот пень с уже растущим в нужном месте столиком-грибом и ручейком неподалёку, то подумала: это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Почему какая-нибудь другая зверушка не заявила свои права на пень?

Теперь Мона знала почему. Забравшись на корень в уголке, дрожащая и перепуганная, она смотрела, как вода прибывает, бурлит вокруг постели из мха и захлёстывает стол, грозя смыть саквояж.

Саквояж — это всё, что у неё осталось от семьи. Он был сделан из небольшой скорлупки лесного ореха, а спереди было вырезано крошечное сердечко. Мона потянулась к нему.

«Пора опять сниматься с места», — подумала она, тяжело вздохнула и, крепко ухватившись за ручку саквояжа, выбралась из пня и побрела сквозь грозу.

Дождь молотил по деревьям Папорот- леса, который ещё только начинал заго- раться красками осени. Мона мгновенно промокла насквозь — от носа до хвоста. Лапки на каждом шагу вязли во влажной земле.

«Куда же мне пойти?» — гадала она. Справа была ферма, но очень далеко, и там жил кот. Мона знала об этом, по- тому что уже пыталась там поселиться. Оставалось либо повернуть налево, либо двигаться прямо.

Она уже собиралась сделать шаг впе- рёд, когда... БАБАХ!

Вспыхнула молния, и Мона подскочи- ла. Что ж, тогда налево. Она углубилась в лес, прыгая по прутикам и листочкам, чтобы не касаться грязи.

Вот бы найти камень, под который можно забраться, или кучку грибов, или пустой ствол дерева. Но ничего такого видно не было. И ни следа других жи- вотных. «Наверное, все попрятались по домам, — подумала Мона, — и укрылись от грозы».

Вскоре вода стала заливать ей уши. Мона вытряхивала капли, но от этого лишь отчётливее слышала ужасные рас-

каты грома. Ветер свистел, кружил и хлестал, принося с собой вой. «Волки!»

Мона пискнула и заторопилась. Волки завыли снова. Звук нёсся издалека, но волки есть волки, и любая маленькая зверушка боится их. Они — охотники, и доверять им нельзя. Хуже волков нет ничего.

А дождь ещё усилился. Неужто вот так всё и закончится — Мону, как и её семью, смоеет грозой? Вот бы ухватиться за чью-то лапку, услышать от кого-то, что всё будет хорошо... Но Мона была одна.

А потом она наконец кое-что заметила: огромное дерево, которое поднималось так высоко, что даже нельзя было разглядеть верхушку. И ствол был пустым внутри! Мона поспешила к отверстию в коре.

Но тут же поняла, что это — дом не для мышки. А для медведя. Никакого медведя внутри не было, и похоже, уже давно. Но всё же в воздухе висел слабый запах шерсти, рыбы и ягод, и Мона поняла, что не сможет спокойно уснуть. А если медведь *вернётся*? Хотя медведей она не боялась так сильно, как волков (ей даже довелось какое-то время

жить рядом с одним, и в качестве еды ему больше нравились ягоды, чем Мона), её не радовала мысль делить с таким зверем его берлогу.

Так что Мона неохотно выбралась наружу — обратно в грозу.

Путь ей преградил ручей, от дождя превратившийся в настоящую реку. Мышка попыталась сообразить, как переправиться на другой берег. Через ручей был перекинут прутик. Мона хорошо умела удерживать равновесие — как и все мыши — и уже почти достигла про-

тивоположного берега, когда, посмотрев наверх, увидела в тёмных кустах чьи-то глаза!

Светящиеся волчьи глаза! В этом не было никаких сомнений. И не одна пара, не две и не три, а столько, что Мона и сосчитать не могла. Её сердце подскочило к горлу, лапки соскользнули с прутика и...

Плюх!

Она упала в воду.

Шшшухх!

Вот так вместо волков мышку поглотил поток — раздался всплеск, и вода понесла её прочь.

Вода залилась Моне в рот, она кашляла и отплёвывалась. Отчаянно вцепившись в саквояж, который держался на поверхности, мышка помчалась вниз с холма, мимо кустов и зарослей папоротника, мимо камней и корней, всё глубже в лес.

Ручей уносил её все дальше и дальше. Мона забралась на саквояж и смотрела, как деревья вокруг становятся всё более искривлёнными и замшелыми. «Должно быть, это самое сердце леса», — подумала она. Место, где она никогда не бывала.

Наконец поток замедлился, превратившись в озерцо, которое сдерживали несколько толстых корней. Один из них как будто тянулся к ней, словно лапа помощи, и Мона, ухватившись за него, выбралась из воды.

Мышка ахнула. Перед ней возвышалось ещё одно огромное дерево. Даже не просто огромное, а... *величественное*.

Гигантские ветви венчали его верхушку, точно корона. Золотистые листья не пропускали дождь и ветер. Мох между корней рос так аккуратно, будто кто-то посадил его там и подстриг. Может, так оно и было... Потому что на стволе, прямо над головой Моны, было что-то вырезано.

Это было точно такое же сердечко, как у неё на саквояже, только в центре этого сердца имелась надпись: «ОХ».

«Что бы это могло значить?» — задумалась Мона.

Она не могла устоять перед искушением. Мышка медленно поднялась на цыпочки и коснулась сердца.

ЩЁЛК.

Сердечко вдавилось внутрь, и в стволе распахнулась дверца.

ФЕСТИВАЛЬ ЖЕЛУДЕЙ

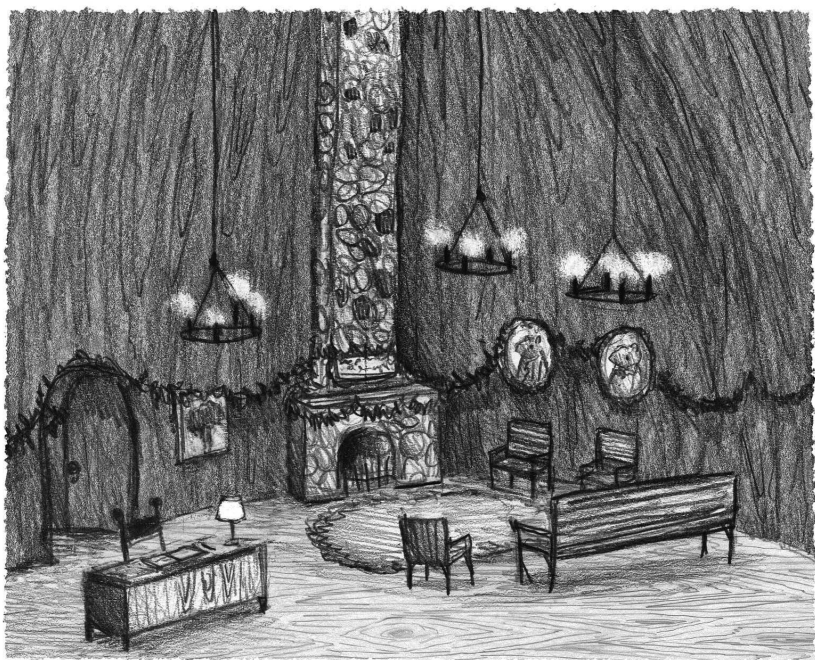
Пискнув от изумления, Мона шагнула внутрь — к теплу, свету и изумительному аромату жареных желудей.

Внутри ствола оказался просторный зал (а для мышки — даже очень просторный!): здесь могла уместиться компания небольших зверушек. Напротив двери располагался каменный очаг, он не горел, но был украшен гирляндой из разноцветных листьев. Перед ним был растелен коврик из мха, а вокруг стояли диваны и кресла из прутьев, обитых всё тем же мхом. Слева располагалась длинная деревянная стойка, на ней лежала большая книга и карандаш из веточки. А с потолка свисали подсвечники-кольца со свечами, которые давали мягкий золотистый свет.

Моне в жизни не приходилось бывать в таком чудесном месте.

«Кто же здесь живёт?» — удивлялась она. Но рядом не было никого, кто мог бы ответить на этот вопрос. Хотя из-за очага доносились слабые отголоски музыки и смеха.

Мона сделала ещё несколько шагов по залу и заглянула в открытую дверцу рядом с камином. Звуки доносились оттуда. Мона двинулась в ту сторону, но замерла. В конце концов, она же была *мышкой*, и

ей приходилось всегда быть начеку. Она с подозрением принялась.

Аромат еды усилился. Уж наверняка животные, которые жарят жёлуди, не представляют никакой угрозы. И тут краем глаза Мона увидела надпись над очагом. До того мышка её не замечала, потому что надпись наполовину скрывалась под гирляндой из листьев. Но теперь Мона могла прочесть:

МЫ ЖИВЁМ ПО ПРАВИЛУ
«ЗАЩИЩАЙ И УВАЖАЙ»,
А НЕ «КЛЫКИ И КОГТИ»

Мона с облегчением доверилась носу и ушам, прошла в дверцу и дальше, по короткому коридору, тоже украшенному гирляндами, к очередной двери — эта была куда больше, и табличка на ней гласила: «БАЛЬНЫЙ ЗАЛ». Дверь была приоткрыта, так что Мона скользнула внутрь.

Её глазам открылось очередное чудесное зрелище — и гораздо более живое! Кролики, хомяки, белки, ежи, птицы! Даже ящерица. И — самый большой из всех — барсук! Не перепачканные грязью и мокрые, как она, а нарядные и танцу-